

ИГОРЬ ТОМИН

Пионерский
выстрел

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Т56

Оформление серии *Натальи Ярусовой*

- Томин, Игорь Иванович.**
Т56 Пионерский выстрел / Игорь Томин. — Москва : Эксмо, 2026. — 320 с. — (Следствием установлено. Детективы брежневской эпохи).

ISBN 978-5-04-248317-2

Во львовской гостинице после торжественной встречи однополчан находят мёртвого ветерана Григория Бусько. Все винят алкоголь. Но вдова знает: он вообще не пил. В то же утро в школьном музее, где хранятся реликвии однополчан, пропадает экспонат — открытка. На её месте появляется чужая фотография в немецкой форме. Вечером гостя Анна Горюнова публично усомнится в боевых заслугах некоторых соратников. Ночью её находят задушенной.

Московские следователи — проницательный майор Туманский, дотошная криминалистка Грайва и оперативник Воронов — прибывают, чтобы докопаться до правды. Показания свидетелей звучат гладко. Слишком гладко. Кто-то стёр следы заранее: дверные ручки чисты, алиби выстроены как на параде.

Улики ведут к тем, кто привык к почестям. И к тем, кто живёт под чужим именем и носит не свой китель. Туманский задаёт простые вопросы. Но в коридорах гостиницы воцаряется тишина, а люди отводят взгляды от зеркал.

Разгадка близка. Как тихий шаг за дверь. Как первый выстрел — когда грохота ещё нет, но от предчувствия беды уже вскипает кровь...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-248317-2

© Томин И., 2026
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026

**701-й стрелковой дивизии
никогда не существовало,
все фамилии персонажей
вымышленные.**

ГЛАВА 1

КОМАНДИРОВКА ВО ЛЬВОВ

Дым от сигареты медленно поднимался к потолку кабинета, где за массивным дубовым столом сидел полковник Кречетов. Его пальцы барабанили по папке с документами, а серые глаза внимательно изучали троих подчиненных, стоящих перед ним по стойке смирно.

— Садитесь, — коротко бросил он, не отрывая взгляда от бумаг.

Максим Туманский первым опустил-ся в кресло, небрежно закинув ногу на ногу и достав сигарету. В свои тридцать восемь лет он чувствовал себя в кабинете начальства как дома — уверенно и без лишнего пиетета. За ним расселись криминалист Валентина Грай-

ва, поправив строгую юбку, и оперативник Илья Воронов, который предпочел сесть на край стула, словно готовился в любую минуту вскочить.

— Дело деликатное, — начал полковник, открывая папку. — Львов. Встреча ветеранов 701-й стрелковой дивизии в одной из школ. Организовали школьники, все как полагается — торжественно, с почетом. Приехало человек двадцать, всех разместили в гостинице «Буковина».

Кречетов сделал паузу, прикурил сигарету от настольной зажигалки.

— Утром двадцать девятого октября, то есть вчера, одного из них, некоего Григория Бусько, нашли мертвым в номере. Местная экспертиза — алкогольное отравление. Почти литр водки в крови. Сердце не выдержало.

— И где здесь наш интерес? — спросил Максим, выпуская дым через нос. — Ветеран, война, водка... Многие так заканчивают.

— Вот именно в этом и проблема, — Кречетов наклонился вперед. — Звонок от вдовы. Утверждает, что покойный семь лет как завязал с алкоголем. Ни капли не пил. Врачи подтверждают — лечился от алкоголизма, кодировался.

Валентина Грайва оторвала глаза от своего блокнота, в который она записывала основные факты.

— А местные органы что думают?

— Местные, — полковник усмехнулся, — хотят побыстрее закрыть дело. Не хочется портить образ героя войны банальной пьянкой в гостинице. Плохо для репутации области и города. Но после звонка вдовы Следственный отдел Прокуратуры СССР решил разобратся.

Илья Воронов выпрямился в кресле.

— Есть подозрения на убийство?

— Подозрений нет. Есть несоответствия. И есть указание разобратся. — Кречетов закрыл папку. — Туманский, ты возглавляешь группу. Воронов — оперативная работа. Грайва — экспертиза. Вылетаете завтра утром.

Максим затушил сигарету в пепельнице.

— Какие у нас полномочия?

— Самые широкие. Официально — проверка обстоятельств смерти по заявлению родственников. Неофициально — выяснить, что там произошло на самом деле. Местные будут сотрудничать, но осторожно. Не хотят огласки.

— Понятно, — Максим поднялся с кресла. — Материалы дела когда получим?

— Сейчас заберете у секретаря. Рейс в восемь утра. Размещение в той же гостинице, где произошел инцидент.

Валентина Грайва аккуратно убрала блокнот в сумочку.

— А что с телом?

— Пока не хоронили. Ждут результатов нашей проверки. Родственники согласились на дополнительную экспертизу.

Полковник поднялся из-за стола, давая понять, что совещание окончено.

— Еще раз подчеркиваю — деликатность. Двадцать ветеранов, школьники, общественность. Если окажется, что старый солдат просто не сдержал эмоции и напился, — замнем. Если что-то другое — разберемся до конца. Вопросы есть?

— Нет, товарищ полковник, — хором ответили трое.

— Тогда удачи. И помните — память о войне священна. Но истина важнее.

* * *

И. Томин

В коридоре Максим закурил новую сигарету, а Илья с Валентиной молча шли рядом к лифту.

— Что думаете, орлы? — спросил Туманский, нажимая кнопку вызова.

— Странно, — ответила Валентина, поправляя темные волосы. — Человек семь лет не пил, а тут вдруг литр водки...

— Может, сорвался, — предположил Илья. — Встреча с однополчанами, воспоминания, эмоции.

— Может быть, — согласился Максим. — А может, и нет. Завтра узнаем.

Лифт пришел, и они молча спустились на первый этаж за материалами дела. Каждый думал о своем, но все трое понимали — простой командировки не будет. Слишком много вопросов для обычного несчастного случая.

А во Львове их уже ждали. И не только местные органы.

ГЛАВА 2

ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА

Самолет коснулся посадочной полосы львовского аэропорта ровно в половине десятого утра. Максим Туманский, глядя в иллюминатор на серые бетонные полосы, серое небо и небольшое здание аэровокзала,

подумал, что с погодой им явно не повезло. Где он слышал, что если Москву называют сердцем страны, Прибалтику — ее желудком, то Львов — ее мочевым пузырем?

— Провинция, — буркнул он себе под нос, поправляя галстук.

Валентина Грайва, сидевшая рядом, собирала документы в свою строгую черную сумочку. Илья Воронов уже встал и доставал вещи с верхней полки, как всегда собранный и готовый к действию.

В небольшом зале прилета их встречал мужчина средних лет в форме подполковника милиции. Крепкое телосложение, усы и внимательные серые глаза выдавали в нем опытного служивого. Он сразу же подошел к группе — спутать московских гостей с другими пассажирами было невозможно.

— Подполковник Микитович, — представился он, протягивая руку сначала Туманскому. — Начальник городского отдела МВД. Добро пожаловать во Львов.

— Следователь Туманский, — ответил Максим, крепко пожимая руку. — Оперативник Воронов, криминалист Грайва.

— Очень приятно. — Микитович галантно поклонился Валентине. — Машина ждет.

Сразу в гостиницу или сначала ознакомитесь с материалами дела?

— Сначала в гостиницу, — решил Максим. — Разместимся, а потом за работу.

Черная «Волга» ждала у выхода. Водитель — молодой сержант — вскочил, увидев начальника, и открыл дверцы. Микитович усадил гостей на заднее сиденье, сам сел рядом с водителем.

— Поедем через центр, покажу город заодно, — предложил подполковник, оборачиваясь к пассажирам. — Хотя вы, наверное, не первый раз во Львове?

— Первый, — ответил Максим, доставая сигареты. — Можно?

— Конечно-конечно.

«Волга» плавно тронулась по широкой дороге, ведущей в центр города. За окнами мелькали невысокие здания, трамвайные пути, редкие прохожие.

— Город древний, красивый, — начал экскурсию Микитович. — Вот сейчас въезжаем в исторический центр. Площадь Рынок. — Он показал рукой на каменные здания вокруг мощеной площади. — Тут есть приличный ресторан «Пид Лэвом», если захотите где-то поужинать. Кухня неплохая.

Максим рассеянно кивнул, разглядывая архитектуру. Валентина с интересом смотрела в окно — старые европейские постройки явно отличались от московских проспектов.

— А вон там, на углу, неплохой бар, — продолжал подполковник, указывая на деревянные двери с затемненными стеклами. — Мы его называем «Кентавр». Но вечером лучше не ходить — там много шпаны собирается. Знаете, молодежь, выпивают, могут и приставать.

Илья Воронов иронично усмехнулся:

— Спасибо за предупреждение, товарищ подполковник. Но мы вроде как не за развлечениями приехали.

— Да нет, что вы, — замахал руками Микитович. — Просто говорю, мало ли... Вон, смотрите, Оперный театр. Красивое здание, правда? Правда, смотреть там особенно нечего. Не пойдете же вы на «Наталку-Полтавку», — засмеялся он собственной шутке.

Максим медленно затянулся сигаретой и посмотрел в глаза местному начальнику через зеркало заднего вида. В его взгляде промелькнуло недовольство — не любил он, когда ■ его развлекали экскурсиями вместо дела.

— Товарищ подполковник, — сказал он спокойно, но с едва заметной твердостью в голосе. — Мы ценим ваше гостеприимство. Но нас больше интересует гостиница, где произошел инцидент, и все обстоятельства смерти ветерана Бусько.

Микитович слегка напрягся, его улыбка стала менее естественной.

— Конечно-конечно. Просто подумал, раз уж едем через центр... Сейчас будет гостиница. Все материалы подготовлены, свидетели опрошены.

Валентина Грайва, не отрывая взгляда от окна, тихо заметила:

— Интересная архитектура. Австро-венгерское наследие, видимо?

— Точно, — обрадовался возможности сменить тему Микитович. — Город долго был под Австрией, потом Польшей. Отсюда и стиль зданий...

Но Максим уже не слушал экскурсовода. Его внимание привлекло поведение местного начальника — слишком уж старался тот показать гостеприимство и увести разговор от дела. Словно тянул время или не хотел, чтобы московские гости сразу взялись за расследование. ■

Илья Воронов тоже заметил эту особенность. Его опытный глаз оперативника уловил в поведении подполковника что-то неестественное. Слишком много лишней информации, слишком много отвлекающих деталей.

— А вот и гостиница «Буковина», — объявил наконец Микитович, когда «Волга» остановилась перед современным по местным меркам зданием. — Номера забронированы, ключи на стойке администратора. В час дня жду вас в своем кабинете для знакомства с материалами дела.

— Хорошо, — кивнул Максим, выходя из машины. — До встречи.

Когда «Волга» отъехала, трое московских сыщиков молча постояли на крыльце гостиницы.

— Что-то мне не нравится наш радушный хозяин, — первым нарушил молчание Максим, затягиваясь сигаретой.

— Слишком много говорит, — согласилась Валентина. — И не о том.

— Нервничает, — добавил Илья. — Видно невооруженным глазом. Хочет показать, что все под контролем, но получается наоборот.

Максим бросил окурок в урну и направился к входу в гостиницу.

— Значит, есть что скрывать. Интересно становится.

ГЛАВА 3

ТРОЕ В «БУКОВИНЕ»

Максим Туманский стоял у окна своего номера на четвертом этаже, держа в зубах неприкуренную сигарету. За стеклом моросил мелкий осенний дождь, превращая львовские улочки в акварельную картину с размытыми контурами. Серые капли стекали по окну, искажая вид на противоположную сторону улицы, где виднелось здание с табличкой «Музей природоведения».

Редкие прохожие торопливо шлепали по мокрым тротуарам, прячась под черными зонтами. Какая-то женщина в темном пальто остановилась у входа в музей, достала из сумки ключи, потом передумала и быстро пошла дальше. Обычная картина провинциального города в дождливый день, но почему-то вызвала у Максима странное чувство тревоги.

Он прикурил сигарету и глубоко затянулся. Тридцать восемь лет и служба в милиции

научили его доверять интуиции, а интуиция сейчас подсказывала — дело будет непростым. Слишком много театральности в поведении подполковника Микитовича, слишком старательно местные органы хотят показать, что все под контролем.

«Ветераны, школьники, встреча однополчан... — мысленно перебирал он известные факты. — И вдруг — смерть. От алкоголя. Человека, который семь лет не пил».

За спиной тикали настенные часы. До встречи с местными оставалось два часа. Максим подошел к столу, раскрыл папку с материалами дела и в очередной раз пробежал глазами краткую справку. Григорий Иванович Бусько, 1923 года рождения, участник войны, после демобилизации работал механиком на заводе в Харькове. Женат, двое детей. Последние семь лет — полная трезвость по медицинским показаниям.

«И что же заставило тебя выпить целый литр водки, Григорий Иванович?» — подумал следователь, выпуская дым в сторону окна.

* * *

Этажом ниже, в номере триста двенадцать, Илья Воронов сидел на краю кровати и смотрел на телефон. Позвонить?

Они поссорились позавчера из-за ерунды — он опоздал на их встречу на полчаса, она обиделась, он начал оправдываться, потом разозлился... Глупость полная. А теперь сидят в разных номерах в чужом городе. Он думает о ней. А о чем думает она?

Илья встал, подошел к окну. Его номер выходил во двор гостиницы, где виднелись мусорные баки и служебный вход. Серый, унылый пейзаж, под стать настроению.

Он любил Валентину Грайву уже два года. С того самого дня, когда она пришла работать в их отдел — строгая, независимая, с этими пронзительными темными глазами. Но признаться не мог, да и она держала дистанцию. Профессиональные отношения, ничего лишнего. И только иногда, когда работали допоздна над очередным делом, он ловил ее взгляд и понимал — что-то есть. Но что именно?

«Идиот, — мысленно ругал себя Илья. — Мог бы просто извиниться, а не устраивать сцену. Теперь она почти не разговаривает».

Он вспомнил, как сегодня утром в самолете она даже не посмотрела в его сторону, а на заднем сиденье «Волги» демонстративно от-

вернулась к окну. И этот холодный тон, когда отвечала Микитовичу про архитектуру...

Илья вздохнул и отошел от окна. Работа есть работа. Личные проблемы подождут.

* * *

В номере триста три Валентина Грайва стояла под горячими струями душа, позволяя воде смыть усталость от дороги и раздражение от утренней встречи с местными органами. Вода была хорошая, горячая, напор приличный. А перед командировкой знатоки пугали, что во Львове нет воды, ее дают по расписанию — пару часов утром и пару часов вечером.

Выйдя из душевой, она завернулась в махровое полотенце и подошла к зеркалу. Двадцать восемь лет. Начинают появляться первые морщинки у глаз, но в целом выглядит неплохо. Темные волосы до плеч, выразительные глаза, которые коллеги называли «проницательными». Только вот улыбается она редко последнее время.

Валентина достала из сумки расческу и начала расчесывать мокрые волосы, глядя на свое отражение. В зеркале смотрела женщина, которая слишком много знала о человеческой подлости. Эксперт-криминалист — профессия

не для слабонервных. Кровь, насилие, смерть. И дома — пустота.

«Мам, я не хочу к тебе ехать на каникулы, — слышала она голос восьмилетнего Димки по телефону на прошлой неделе. — У папы интереснее. Он обещал свозить меня на океан и покатать на рыбацкой шхуне».

Владивосток. Черт бы побрал этого Сергея с его новой женой и их «новой жизнью». Забрал ребенка и уехал на край света. А Димка теперь звонит раз в месяц, говорит сухо, официально. «Здравствуй, мама. У меня все хорошо. Как дела?» И сразу слышно — торопится закончить разговор.

Валентина положила расческу на полку и провела рукой по запотевшему зеркалу. Надо было бороться за сына тогда, три года назад, а не отпускать «временно, пока устроится». Надо было не давать развод, не соглашаться на его условия. Но тогда казалось — лучше для ребенка будет жить с отцом, чем видеть постоянные скандалы родителей.

«Дура, — сказала она своему отражению. — Наивная дура».

За окном усилился дождь. Капли барабанили по стеклу, как пальцы нервного человека по столу. Валентина отошла от зеркала и начала

одеваться. Строгая блуза, темная юбка, туфли на небольшом каблуке — рабочая форма эксперта-криминалиста. Никаких ярких цветов, никаких украшений. Только дело.

Она подошла к столу, где лежали материалы по смерти ветерана Бусько, и открыла папку. Работа — единственное, что у нее осталось. Единственное, в чем она действительно была хороша. И может быть, единственное, что еще могло дать ей хоть какое-то удовлетворение от жизни.

На столе зазвонил телефон. Валентина сняла трубку.

— Грайва слушает.

— Валя, это Максим. Спускайся к нам в холл. Пора ехать в отдел к Микитовичу.

— Иду, — коротко ответила она и положила трубку.

Время личных переживаний закончилось. Начиналась работа.

ГЛАВА 4

НОМЕР 418

И. Томин

В холле их уже ждал подполковник Микитович. Он нервно курил, прохаживаясь между кожаными креслами, и постоянно поглядывал на часы.

— А, вот и вы, — обрадовался он, увидев спускающихся москвичей. — Как разместились? Номера устраивают?

— Все в порядке, — коротко ответил Максим, застегивая пиджак. — Но прежде чем ехать в ваш отдел, хочу осмотреть место происшествия.

Лицо Микитовича слегка омрачилось.

— Но, товарищ Туманский, номер уже осммотрен нашими экспертами, все зафиксировано, составлены протоколы...

— Тем не менее, — Максим достал сигарету и прикурил, — мне нужно увидеть все своими глазами. У вас же есть ключи? Или что там у вас? Отмычка? Монтировка...

Он, конечно, шутил, но Микитович юмора не понял, посмотрел на следователя из Москвы как-то странно и неохотно достал из кармана связку ключей.

— Только ключи. Номер четыреста восемнадцать, четвертый этаж. Но там уже все убрано, постель свежая...

— Что значит — убрано? — резко спросила Валентина, прерывая местного начальника. — Вы убрали все следы и все вещдоки?

— Нет, следы на месте, — Микитович растерянно посмотрел на нее. — В смысле — от-

печатки. А тело увезли позавчера, экспертиза проведена. Нельзя же держать тело в номере...

Максим и Илья переглянулись. Валентина сжала губы — такого непрофессионализма она не ожидала даже от провинциальных коллег.

— Хорошо, — вздохнул Туманский. — Это вы очень верно подметили, что тело нельзя хранить в номере... Ну бог с ним, с телом. Поднимемся. Ведите.

Лифт медленно полз на четвертый этаж. В тесной кабине стояла напряженная тишина. Микитович изредка покашливал и что-то бормотал себе под нос.

— Вот номер, — объявил он, останавливаясь перед дверью с табличкой «418».

На дверь была наклеена полоска бумажки с милицейским штампом. Микитович аккуратно сорвал ее и вставил ключ в замок.

— Прошу. — Он распахнул дверь и посторонился.

Стандартный номер гостиницы: кровать, письменный стол у окна, кресло, шкаф для одежды. На столе, на расстеленной газете «Львовская правда», стояли стакан и пустая бутылка водки «Посольская». А на полу у кровати валялась еще одна пустая бутылка «Посольской».